

Марина ПОДОЛЬСКАЯ

Музыка с небес

Музыка лилась откуда-то с небес. А вернее — через распахнутое окно третьего этажа. А еще вернее — эти звуки рояля вовсе не были музыкой. Отдельно взятые ноты, небольшие пассажи, коротенькие фрагменты, бессвязные и непонятные для постороннего уха. Но жители Школьного переулка, приобщенно поглядывая наверх, одобрительно кивали головами. Они-то знали, что так рождается настоящая музыка. Правда, через окно в конечном варианте, целиком, её нельзя было услышать. Композитор на рояле лишь проверял звучание отдельных музыкальных инструментов. Основная же часть работы выполнялась им сразу на партитурной бумаге. В этот момент гармония звуков целого оркестра была слышна и подвластна только ему одному. Одному во всем нашем маленьком переулке. Во всем городе. Во всей бесконечной Вселенной.

Меня, девочку, это таинство написания симфонической музыки завораживало и заставало врасплох. Понятно, если бы песенка была простая, с запевом и припевом. Услышав, её можно сразу запомнить, спеть, подобрать на пианино одним пальцем. Можно даже записать в нотной тетрадке. Но, сидя за столом, писать в нотных знаках сразу целую симфонию мог только особенный человек. И вот в этом-то была вся загвоздка, потому что наш сосед сверху, муж маминой подруги и пapa моих друзей Рустика и Ивана композитор Назиб Гаязович Жиганов с виду никак не тянул на волшебника. Среднего роста, ладный и ловкий, с замечательной открытой улыбкой, он немного напоминал цыгана. А может быть, француза или армянина. И был он совершенно обычный, приветливый, внимательный, неприхотливый, как большинство наших пап. До тех пор, пока не начинал работать — писать музыку.

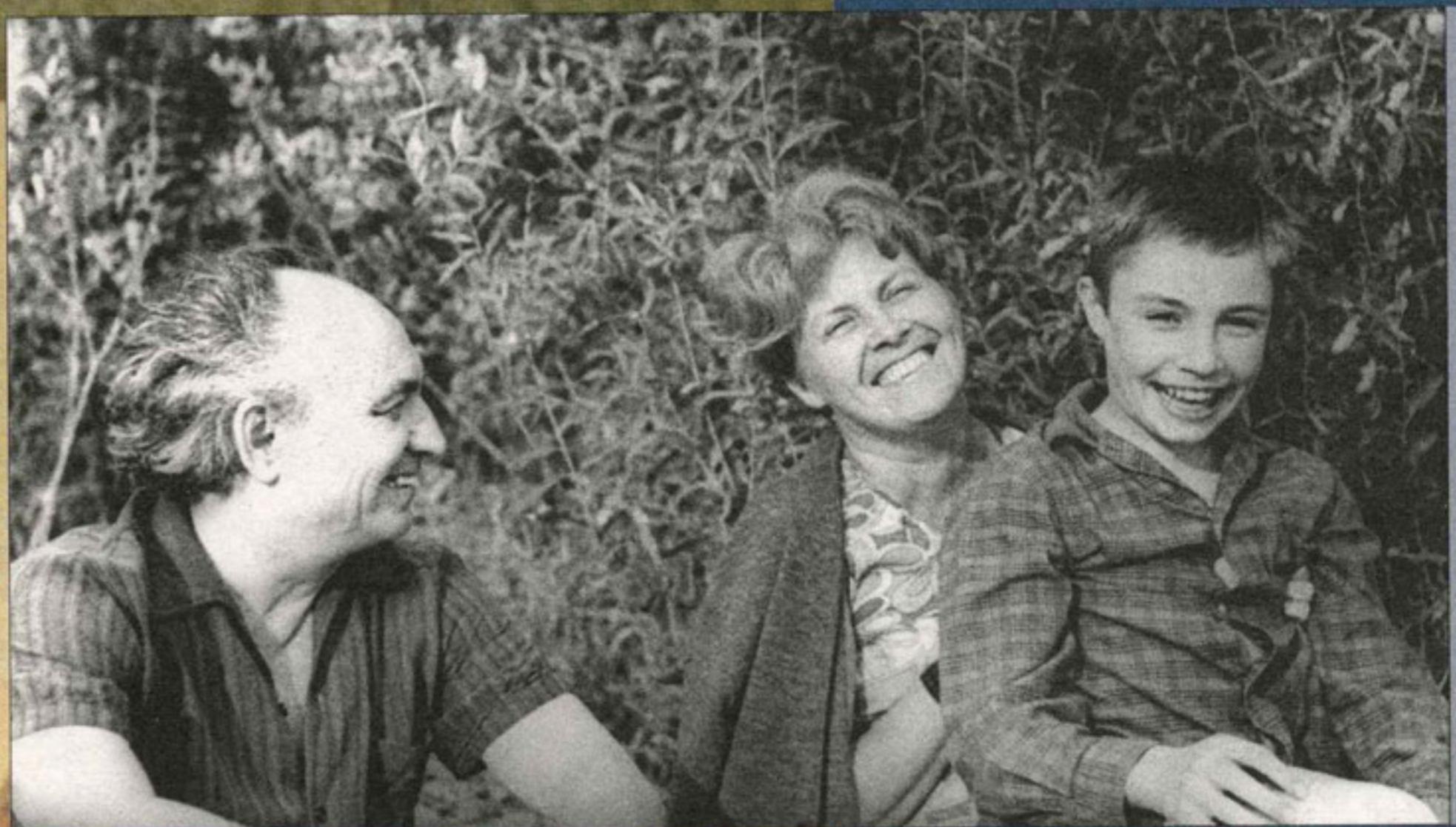
Дверь в кабинет как всегда открыта. Мы с Иваном бесшумно пробираемся к огромной мягколистной пальме у окна и, притаившись за

ней, наблюдаем. Назиб Гаязович сидит спиной к роялю за своим рабочим столом. Его авторучка быстро покрывает нотными значками партитурный лист. Он действительно пишет на бумаге. Но что? Для нас внешней логики в порядке записи нет. Авторучка перескакивает со строчки на строчку, словно игла на ткани вышивает разноцветными нитками то там, то тут по стежку будущий узор, целиком еще не прорисовавшийся постороннему взору. Каждая строчка — партия инструмента в оркестре. Иногда Назиб Гаязович поворачивается к роялю и берет несколько нот, подмигивает нам и вновь погружается в работу. А мы в уже который раз по этим несвязанным звукам, по арабской вязи нот на листе безуспешно пытаемся представить, какой же получится музыка. Не просто трудно, непостижимо для наших умов связать ажурную сетку нот на листе и звучание целого оркестра в огромном зале. Назиб Гаязович вновь поворачивается к роялю, что-то проигрывает и, раз уж мы тут, как бы посвящая нас в процесс

Кабинет Н. Жиганова

С женой и сыном Ваней на берегу Волги. 1970 г.

Илья ЧИРКОВ

созидания, то ли объясняет, то ли просто разговаривает сам с собой вслух:

— Похоже, тут нужно немного добавить...

— Что добавить? — не понимаем мы.

Он удивленно переводит на нас взгляд и лукаво улыбается:

— Как что, валторну. Вы разве не слышите?

Конечно, мы не слышим. И никто другой еще не слышит эту возникшую в оркестре валторну. Назиб Гаязович что-то поправляет авторучкой на нотном листе и вновь поворачивается к нам.

— Вот теперь хорошо. — И тут же, забыв про нас, вновь уходит в свое не доступное никому пространство, туда, где звучит его музыка, ждут своих партий инструменты оркестра, а он, сидя за столом, волшебной палочкой в виде простой авторучки спокойно руководит всем этим немыслимым по новизне и сложности процессом.

По лежащему на столе листу мы уже знаем, что если бумага партитурная и рука композитора скользит по ней как бы сверху вниз, а потом вновь наверх, по пути заполняя строчки, то пишется что-то симфоническое. Если бумага простая клавирная, строчки заполняются слева направо, сначала верхняя для голоса или сразу две для дуэта, потом внизу спаренные для фортепиано, — это, скорее всего, романс или клавир для какой-нибудь будущей оперы. Но вот на пороге появляется тетя Нина. Она долго с улыбкой наблюдает за нами. Назиб Гаязович

Боровое Матюшино. Дом, в котором жил и работал композитор с 1961 по 1988 г.

наконец замечает жену и тоже с улыбкой спрашивает:

— Что, пора обедать? Идем.

Он дописывает еще несколько знаков и поднимается. И мы все вместе отправляемся на кухню. Там такой аромат... Ростбифы с чуть приперченными и смазанными сыром «Виола» яблоками фри. Яблоки нельзя пережарить, тогда они развалиются в пюре. Мясо тоже пережарить нельзя. Оно станет жестким. И все мы это уже знаем и не задерживаемся по пути к столу. Назиб Гаязович как ни в чем не бывало шутит, и вслед за ним все мы тоже хохмим. Будто несколько минут назад этот уютный человек, красиво разрезающий свой ростбиф, не совершил доступного лишь ему таинства управления музыкой. Наверное, он осознавал свою богоизбранныность, но никогда ничем это не проявлялось внешне. Никаких ритуалов, помпезности, по сути вполне законного требования поклонения его уникальному дару. Никаких условий особой тишины. Да, он говорил, что писать трудно. Он уставал. Но понимал эту усталость как обычную для много работающего человека.

Назиб Гаязович ест красиво, весело. Рядом с ним у любого улучшается аппетит. Всё на столе ему нравится. Всё хвалится. Но теста он не

любит. Разве что капустные пироги. Зато если картошечка... А уж если и жареная... Наша бабуля, начиная жарить свою знаменитую картошку с хрустом, приоткрывала дверь на лестницу: Назиб Гаязович скоро пойдет мимо с работы. И он, довольный как мальчишка, на этот призывающий аромат приоткрывал дверь, проходил на кухню. Знал, что его хотят побаловать, и умел ценить это. Но никакие кулинарные удачи тети Нины и всех остальных все равно не могли подняться до рейтинга сиреневой каши. Это была разваренная почти до киселя гречка. Такой чудесной едой в гражданскую войну из больших котлов красноармейцы угощали вконец оголодавших детдомовых сирот. Каша была памятью о беспризорном детстве, о возникшем у голодного одинокого ребенка чувстве защищенности: кто-то надежный и сильный накормил досыта. Ведь когда они с братом, почти умирая от голода, постучали в дом богача, чтобы попросить хоть кусок хлеба, на них спустили собак...

Вот и апрель. Это значит, что начинается дача. Она, конечно, никогда и не кончается, просто стоит в Боровом Матюшино среди сосен. Но зимой туда почти не ездят. В пер-

вый теплый весенний выходной немыслимая толпа набивается в «Волгу», и тетя Нина аккуратно, но раскованно ведет машину. Нас в салоне одиннадцать, считая детей. Назиб Гаязович зорко всматривается в дорогу. Увидев пост ГАИ, командует: «Ложись!», и вся детвора разом сползает куда-то вниз друг на дружку и замирает. — «Опасность миновала», — сообщает Нина Ильинична, и мы со смехом распаковываемся, с трудом расплетая ноги.

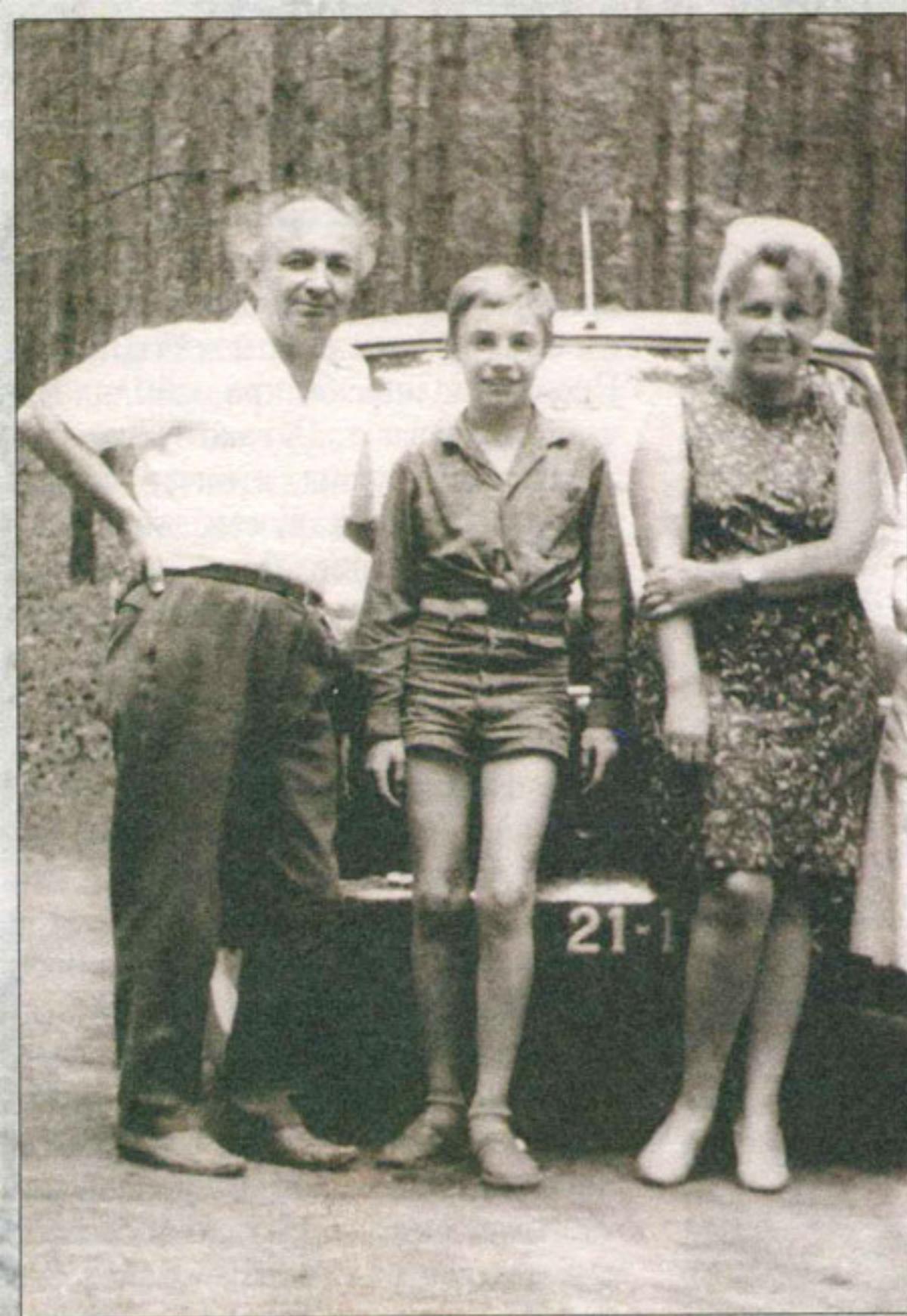
В Матюшино зацвели подснежники. Весь лес в сиреневых куртинах. Мы с Иваномносим теплые, похожие на птенцов цветы в маленькой корзинке и на столе веранды ниткой связываем пучочки.

— Хозяева, почем цветы? — За нашей спиной Назиб Гаязович. Он абсолютно серьезен, и от этого мы теряемся.

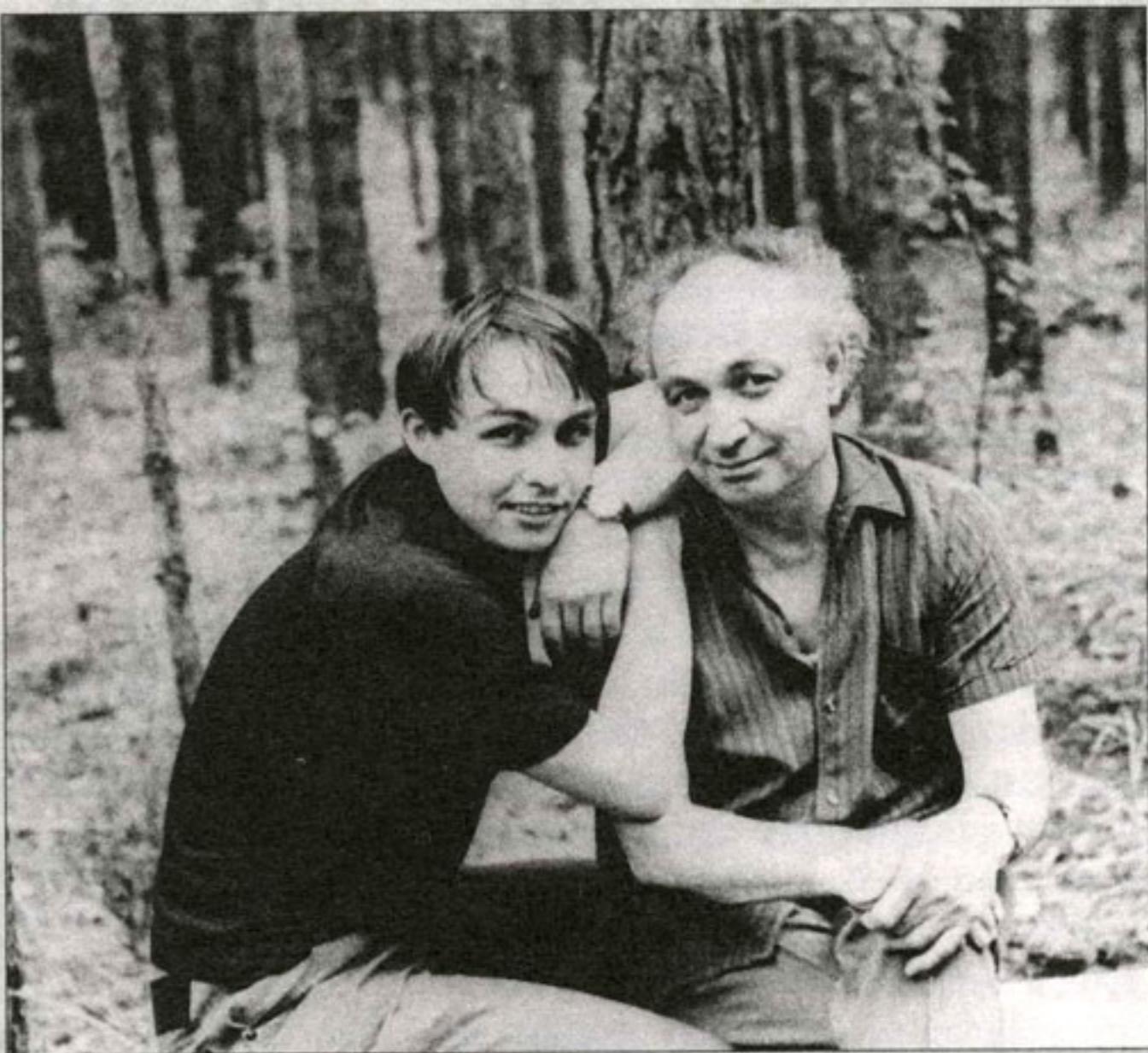
— Они ни почем. Они не продаются.

— Как жаль, а мне так нужны цветы для подарка... Я бы взял сразу все... — Мы видим кошелек в его руке и, многозначительно переглянувшись, называем бешеную цену в десять копеек.

— Вы, наверное, ошибаетесь, такой цены нет, — удивляется наш покупатель, и мы, вновь переглянув-

С женой Ниной и сыном Ваней. Июль 1970 г.

Со старшим сыном Рустэмом. Июль 1970 г.

шились, уже готовы сбавить до пяти. Но Назиб Гаязович опережает.

— Сколько тут у вас? Десять? Беру по рублю. Отличные цветы...

Он отсчитывает

деньги и забирает наш товар. Через минуту в комнате раздается его веселый голос:

— Нина, ты только посмотри, что я купил! Целый лес подснежников! — Он обходит каждого гостя и дарит по букетику. А мы с Иваном, наконец поняв, что это не розырыш и деньги

назад не заберут, совещаемся, на что потратить такой неожиданный барыш.

Как никто Назиб Гаязович умел дарить. Стоило гостю похвалить что-то в доме, как вещь вручалась с таким счастливым лицом, что не принять ее было невозможно. Картина, посуда, книга — все годилось для нежданного подарка. Откуда такая широта, естественность щедрого поступка? Может, это была душевная компенсация за нвшее сиротское детство? Он любил заранее выбирать подарки, устраивать сюрпризы. Были они всегда кстати, именно то, что хотелось. Красивее всего Назиб Гаязович дарил цветы. Если для этого долго не случалось повода, он его попросту изобретал. Где, как он их находил в те далекие времена всеобщего дефицита, как выбирал из ничего самые красивые и неожиданные букеты? Назиб Гаязович сиял и светился, преподнося розы, гвоздики, левкои. Но больше всего он любил полевые цветы.

Яркое июньское утро. Мы втроем отправляемся в луга. Там зацвели ромашки и клевер. Сочная еще не кошенная трава почти до пояса. Назиб Гаязович отрывается от нас и все быстрее и быстрее идет вперед, почти бежит. Он уже не смотрит под ноги ни на какие цветы. Взгляд его устремляется далеко, к горизонту. Голова запрокинута. На лице загадочная улыбка. Это приволье, этот аромат цветущей степи, ветер, пригибающий высокие травы — его родная стихия. И он уже больше напоминает летящего галопом коня. Кажется, еще шаг, и он оторвется от земли и

М. Подольская. 1974 г.

взлетит. Мы с гиканьем, широко раскинув руки, несемся вслед и дожняем Назиба Гаязовича. Вдруг он останавливается и замирает.

— Тише. Послушайте, как поет все вокруг. — Мы умолкаем, и сразу же шум ветра, шелест травы, голоса птиц, жужжение пчел, — все это многоголосье жаркого сочного июня мажором врывается в наши уши и сердца, звучит все громче и громче, почти как оркестр. Для нас это — звуки летнего луга. Для Назиба Гаязовича — уже музыка. Мы с Иваном собираем букет ромашек. Назиб Гаязович наклоняется и срывает побег полыни. Подносит к лицу, прижимая к щеке, потом растирает листочек в руке и снова вдыхает горьковатый аромат. Протягивает полынь нам:

— Вставьте в букет. К ромашкам очень подходит.

Ветка полыни — маленький дар степей, всегда лежала у него на рояле.

Любил Назиб Гаязович и лес. С рассветом отправлялся с нами за грибами и мог без устали собирать их до вечера. Даже в незнакомом лесу чувствовал себя спокойно, никогда не плутал. Но все же его влекло открытое пространство. Он вел нас на берег Волги, где ветер и волны исполняли каждый свои партии. На маленькой лодочке греб, отмеряя веслами такты. Радовался вдруг начавшемуся дождю, часто забарабанившему по воде. Наверное, эти звуки природы и были тем творческим сырьем, той рудой, из которой в лаборатории его мозга добывались бесценные крупицы звуковых гармоний...

Какой-то мудрец сказал, что мужчина узнается в отношении к детям. Назиб Гаязович очень любил детей. Со стороны могло показаться странным, что этот бесконечно занятой человек может с мальчишками строить снежную крепость и потом играть в снежки. Вот он помогает нам склачивать «штаб» в соснах за дачей. Среди нас он чемпион по ходьбе на руках. Никто так как он не умеет ловить ртом виноград, брошенный со второго этажа. И вообще никто не может так ловко, как он, поймать брошенную вещь. С легкой руки Назиба Гаязовича в доме все бросается и ловится — книги, яблоки, тарелки. Это — тоже привычка детства: дежурным по детдомовской кухне полагалось начистить целый котел картошки. Нудное занятие, если не превратить его в игру или соревнование.

Котел с водой ставился посередине кухни, а дежурные садились вокруг как можно дальше. Очищен-

ную картошку полагалось кидать в котел, да так, чтобы вода не вставала фонтаном. При игре в ножички Назибу Гаязовичу равных нет. В шахматы мы тоже никак его не можем переиграть. Разве что иногда в уголки... Все-таки в нем всегда жил мальчишка. А иначе откуда же этот озорной блеск в глазах?

...Поздний вечер. На веранде открыты окна. Тишина. Мы счастливы: Назиб Гаязович после ужина не ушел в кабинет работать и это значит, что будут посиделки. Не песни-пляски, а душевная беседа. Он может рассказывать бесконечно. И все рассказы просто удивительны. Нужели все это могло приключиться с одним человеком? Что же это за судьба? Не много ли на одного? Хотя иногда он удивлялся простым вещам, будто узнавал о них впервые. И тогда мне казалось, что он вообще не земной, а пришел с другой планеты, где у каждого в сердце рождается музыка. Но тут же он начинал вспоминать про детдом, и это было уже совершенно земное.

В младшем отряде, где Назиб Жиганов был пионервожатым, завелся воришко. У детей пропадали вещи и еда. Ясно, что воровал свой. Но поймать никак не удавалось. Тогда Назиб посадил всех детей перед собой и каждому дал в руку по спичке. — Сейчас мы узнаем, кто из вас забирал без спроса чужое. Зажмите спичку в кулак, и у того, кто виноват, она вырастет и станет длинней остальных. — Все зажали кулаки. Назиб стал обходить ребят и забирать у каждого спичку. У одной девочки она была обломлена. Назиб при всех виду не подал. Позже девочка подошла к нему сама и все рассказала.

Мы вырастали. Начались наши первые любови. И вместе с ними вечерние посиделки меняли темы. Теперь уже хотелось знать все про взрослые романы, не книжные, а настоящие. Тут уж в воспоминания включалась тетя Нина. Но кто бы ни рассказывал эту уже хорошо нам известную историю, все равно получалось одинаково — судьба.

Нина Ильинична — инженер-механик по строительству газонефтепроводов и нефтебаз и Назиб Гаязович — лауреат Сталинской премии, директор Казанской консерватории, депутат Верховного Совета РСФСР, председатель Союза композиторов Татарии в один день узнали о том, что больны туберкулезом, она в Москве, он в Казани. Правосторонний легоч-

ный процесс. Как раз перед этим Жиганова по постановлению 1948 года били за формализм, обсуждали на собраниях. Было немало нервотрепки и вообще был момент, когда он думал, что уже конец. Но в это время он получает Сталинскую премию за музыку оперы «Алтынчач». Про формализм быстро забыли. Начали поздравлять. Однако Назиб Гаязович температурил, и ничего не помогало. Был обнаружен туберкулез в открытой форме. Дали бюллетень. Врач Кутуева настаивала на лечении в туберкулезном санатории. Но в Казани не оказалось путевки. Поехал в Москву. В ЦК профсоюза ответили, что путевка есть, но в плохой санаторий, хотя ему как лауреату и депутату положен хороший и даже лучший. Он сказал, что ему все равно, и уехал в «Пески Коломенские» под Коломной. А Нину на работе в Москве в эти Пески не хотели отправить, нашли санаторий лучше, но в профсоюзе не хватило денег оплатить. Нине тоже было все равно. Папа уже много лет был в заключении как враг народа, сестра училась. Денег еле хватало, а она чувствовала себя все хуже. Собралась и поехала в Пески.

Санаторий занимал разрушенное имение. Сама усадьба сгорела, все службы санатория располагались в барских конюшнях — медицина, столовая. Больные жили в павильонах — двух деревянных домах с террасами. Один мужской, другой женский.

Как-то сразу, без сомнений начался их роман. Роман на скамейке. Больше пойти было некуда. Все на виду. Но люди вокруг понимали, что это не курортный роман. Лечили Назиба Гаязовича только питанием: стрептомицин ему был противопоказан, поскольку плохо влиял на слух.

...Рояль «Зейлер» был членом семьи. Его купил в Москве Назибу Гаязовичу Ваня Павлов — детдомовский друг. В пятнадцать лет он и Назиб решили поступить в Саратовскую консерваторию. Добрались из Уральска на перекладных. Были у них на двоих одни ботинки. На комиссию входили по очереди, поскольку приходилось под балконом на улице переобуваться. Оба они уже умели играть на детдомовском пианино. Рояля в большом зале нисколько не испугались. Назиб исполнил свой коронный репертуар: вальс Дюрана, «На сопках Маньчжурии» и «Прощание славянки». Не приняли их тогда. Вернулись домой ни с чем. Через много лет, когда Назиб Гаязович стал

профессором и ректором, его неожиданно направили председателем государственной экзаменационной комиссии в Саратовскую консерваторию. Как-то в перерыве экзамена вся комиссия вышла из зала на балкон. А он как раз над теми колоннами, где Назиб с Ваней менялись башмаками. Назиб Гаязович всё это со смехом рассказал. Вдруг один из старых профессоров говорит всерьез:

— Товарищ Жиганов, почему же вы не пришли тогда ко мне. Я был в то время директором.

— Но я не был Жигановым, — услышал он в ответ...

Накануне столетия Ленина в Казани представлял свою поэму Евгений Евтушенко. После чтения поэмы в зале консерватории его привел в наш дом Витя Савельев, мамин старый друг. Из стихов нам с Иваном запомнились «Похороны Сталина». Новое, запретное приоткрыл нам, детям, Евтушенко. Что-то зловещее почуяли мы за неполными фразами взрослых и вечером начали пытать родителей. Как это было на похоронах? Неужели как на Ходынке? А почему тогда об этом не говорят на уроках истории? Про Ходынку же говорят?

Вдруг Назиб Гаязович обратился к тете Нине. Глаза его были серьезны... У него были очень живые глаза. Не видела их равнодушными, скучающими, потухшими. Отражая его вечно стремившуюся к чему-то душу, они горели любовью или гневом, или грустили.

— Нина, помнишь, как уговаривала меня пойти на эти похороны? Я очень не хотел, а ты просто слезами обливалась.

— Да, Назиб, ты, как всегда, был прав. Если бы не ты, в этом вертепе на Трубной площади с нами все могло случиться. Как ты тогда успел ту женщину, помнишь, и меня затолкать в пустую машину? Как ты понял, что происходит страшное?

— Просто ты никогда не знала, что такое облава на рынке. А я знал.

— А ты помнишь, как, вернувшись, я с рыданиями наизусть читала поэму Маяковского «Ленин»? Ты подошел и спросил: «Нина, ты, может быть, вспомнишь, где твой отец?» Отец был на Колыме в самом страшном её лагере на руднике Бутычаг. Но не я, а ты понимал все. Почему ты тогда не побоялся на мне жениться?

— Да, меня предупреждали, что ты дочь врага народа.

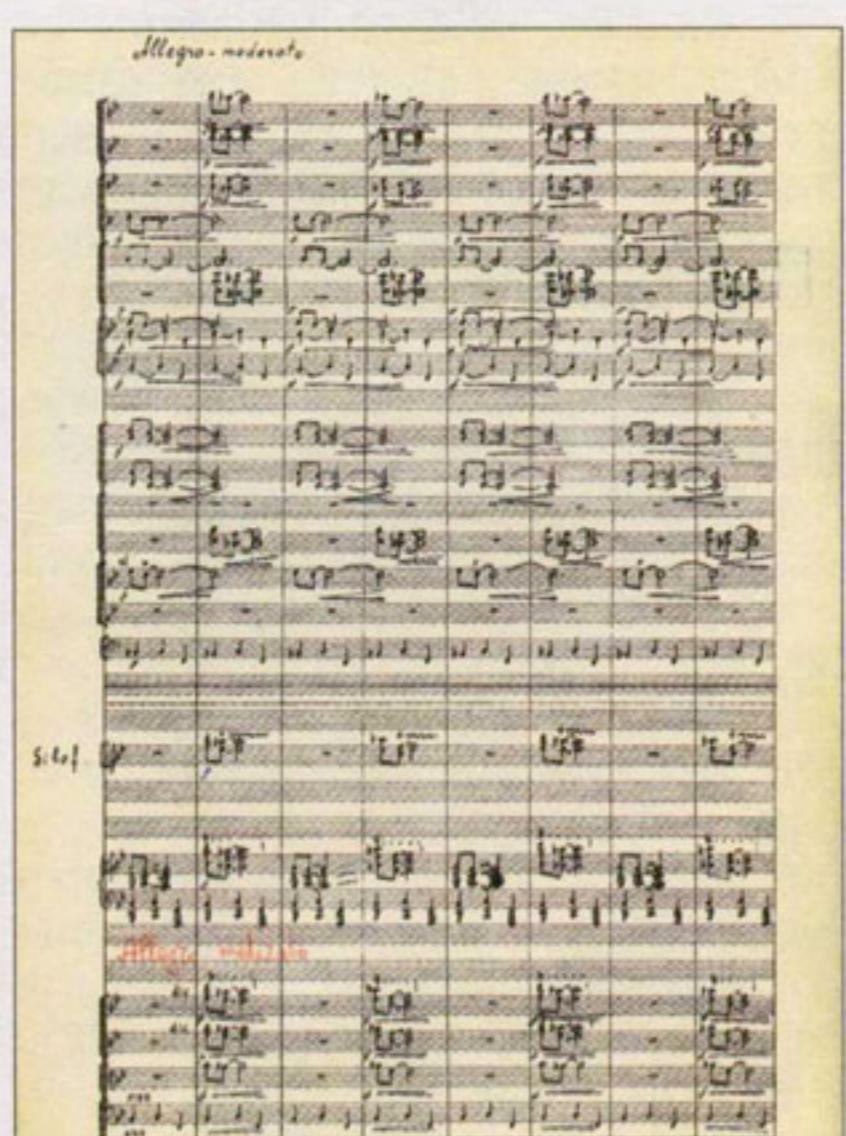
Этот диалог вслед за стихами Евгения Александровича ввел нас с Ива-

Обложка сказки «Желтый аист». Китай

Фарфоровая фигурка по мотивам сказки «Желтый аист». Китай

Страница партитуры
«Симфонические новеллы»

ном в настоящую, взрослую жизнь. Пора было узнавать о ней правду.

В доме много читали. Дефицитная тогда «Иностранка» обсуждалась за столом. Номер «Нового мира» Твардовского, уважая очередь, приходилось одолевать за ночь. В ходу были и толстые романы. Но все, независимо от возрастов и регалий, дружно любили читать сказки. Из них потом вырастили либретто. «Нжери». «Зюгра». «Желтый аист». Китайскую сказку про желтого аиста вычитала тетя Нина. Зима в Китае. Холод. Голодного бездомного мальчика обогрел и накормил хозяин бедной чайной. Уходя, мальчик нарисовал на стене желтого аиста и сказал хозяину: «Если ты хлопнешь в ладони трижды, то эта птица сойдет со стены и будет танцевать твоим гостям. Но не заставляй его делать это для одного человека». Сказал и ушел. Хозяин хлопнул в ладоши, и аист действительно сошел со стены и исполнил замечательный изящный танец. На это диво стали собираться люди со всего Китая. Хозяин разбогател. Однажды в дверь к нему вошел сам мандарин и повелел, чтобы птица танцевала ему одному. Испугался ли его хозяин, или польстился на золото, но он нарушил условие и, низко склонившись перед мандарином, хлопнул три раза в ладоши. Аист сошел со стены, немного очень грустно потанцевал и вернулся на стену. Больше он уже никогда не танцевал. И вот однажды на пороге чайной вновь появился тот самый мальчик. Он заиграл на флейте. Желтый аист ожил, спустился со стены и навсегда ушел со своим маленьким другом.

Назиб Гаязович просто заболел этим сюжетом. Принялся за одноактный балет. Работал с азартом, уже выбрал для постановки балетмейстера москвича Игоря Смирнова. Побывав с делегацией в Китае, привез оттуда статуэтку желтого аиста. Но случилось непредвиденное: испортились политические отношения с Китаем. О постановке «Желтого аиста» пришлось забыть. Остались лишь симфонические новеллы, посвященные жене Нине, да фигурка желтого аиста, гордой птицы, с радостью веселившей бедняков, но не пожелавшей танцевать за деньги и почести. Эта крошечная птичка теперь жила на книжной полке великого композитора. Может быть, иногда она спускалась и танцевала для него? А он знал: чуть-чуть замути взор, согни хотя бы сам себе, струсь, — желтый аист сойдет с полки, взмахнет крыльями и больше не вернется.

Источник: Подольская М. Музыка с небес
// Казань.- 2001.- № 1.- С. 48-53